

Цикл
Евгения Белогорского
ВО СЛАВУ ОТЕЧЕСТВА!

Во славу Отечества!
Лето долгожданных побед
В годину славы и печали

Евгений Белогорский

В ГОДИНУ
СЛАВЫ И ПЕЧАЛИ

Москва

Глава I

РАЗМЫШЛЕНИЕ О БУДУЩЕМ

Календарь на столе главковерха Корнилова показывал 2 сентября, когда он принял в своем походном кабинете специального посланника московского генерал-губернатора Алексеева. Его неизменный помощник генерал Духонин надолго застрял в своем оперативном отделе, тщательно вычитывая все последние сводки и сообщения, поступающие с фронтов. Готовилось новое наступление на Западном фронте, и генерал от инфантерии Духонин страстно желал, чтобы и эта операция стала неприятным сюрпризом для врага.

— Прошу садиться, господин Иванов, — радушно произнес Корнилов, указывая рукой гостю на один из стульев возле своего стола.

Черноволосый Иванов, именно под таким псевдонимом проходил по всем документам бывший эсдек, а ныне ближайший помощник Алексеева Иосиф Сталин, мало изменился с момента их последней встречи. Только едва заметные черные тени под глазами выдавали бессонные ночи этого трудоголика, но пока они хорошо скрывались на лице тридцатидевятилетнего мужчины.

— Я смотрю, вы не стали надевать французский подарок, — поинтересовался Корнилов, окинув взглядом скромный полувоенный френч прибывшего советника.

— В другой раз, — коротко бросил Иванов, показывая всем своим видом, что не придает слишком большого значения полученному ордену Почетного легиона.

— Я вас внимательно слушаю, — сказал Верховный, — можете курить, если хотите.

Он хорошо помнил, как часто Иванов курил свою небольшую трубку во время переговоров с союзниками, что несколько нервировало гостей.

— Спасибо, но это чуть позже. — Собеседник неторопливо щелкнул зажимами своей кожаной папки, словно опытный укротитель, слегка приоткрыв клетку, из которой в нужное время и место должны будут выскочить бумажные тигры.

— Я несколько не сомневаюсь в нашей полной победе над врагом и в том, что ее окончание лишь вопрос времени. Но скажите мне, Лавр Георгиевич, что вы собираетесь делать после победы? — спросил Иванов, глядя на главковерха чуть прищуренным взглядом.

По тому смущению, появившемуся на лице Корнилова, можно было со всей уверенностью судить, что об этом аспекте он совершенно не задумывался, ведь сейчас главное было именно победить, а там видно будет, как говаривал Буонапарт Наполеон. Однако это замешательство длилось несколько секунд, Корнилов собрался и, глядя на собеседника своими узкими глазами, быстро произнес:

— Уточните, пожалуйста, что вы имеете в виду, это слишком объемный вопрос.

— Охотно уточню, Лавр Георгиевич. Я хотел спросить, что вы будете делать со всей огромной массой людей, временно одетых в серые шинели?

— Странный вопрос, господин Иванов, естественно, большая часть солдат сразу по окончании войны будет демобилизована, нельзя же постоянно содержать под ружьем три с половиной миллиона человек.

— Я еще раз уточню, Лавр Георгиевич, а что они будут делать дома после возвращения с фронта? — спросил Иванов, и Корнилов моментально понял, о чем так настойчиво спрашивал его кавказский собеседник.

— Я вас внимательно слушаю, — произнес он и, положив подбородок на сцепленные пальцы рук, обратился в слух.

— Россия, господин Корнилов, это сугубо крестьянская страна, всего около 24 процентов нашего населения проживают в городах, все остальные в деревнях. Поэтому основная масса демобилизованных солдат ринется имен-

но туда, и согласно вашим прежним обещаниям, будут требовать для себя землю. А свободной земли, как вы знаете, нет. Даже выкуп части наделов у крупных землевладельцев и раздача ее ветеранам полностью не решит этого извечно-го русского вопроса. Не хватит ни земли, ни денег, несмотря на то что мы удачно сняли финансовую удавку с нашей шеи. То, что летом семнадцатого года крестьянские выступления с погромами помещичьих усадеб и самовольный захват земель были удачно подавлены войсками, это отнюдь не полное и окончательное решение земельного вопроса, поверьте мне.

— А если растянуть демобилизацию и не допустить одномоментного возвращения этой взрывоопасной людской массы? — живо спросил Корнилов, прекрасно представив себе картину скорого будущего страны-победительницы.

Иванов хитро прищурил глаза, видя, как сильно зацепили его слова главноверха.

— Боюсь, что эта мера не способна полностью решить эту проблему, а только отодвинет ее на некоторое время. Без скорого решения земельного вопроса массовые выступления крестьян неминуемы, а особенно при большом количестве оружия, которое осело в России за это время, они будут особенно опасны. Люди, привыкшие убивать за четыре года войны, не будут особенно церемониться при защите своих интересов. Как военный человек, вы лучше меня знаете, как трудно и долго нужно отучать бывшего мирного человека от пагубной и опасной привычки решать все проблемы с помощью оружия. Заметьте, Лавр Георгиевич, что, в отличие от всех наших прошлых войн, эта война оказалась столь массовая, что ее трудно сравнить с чем-либо другим из обозримого прошлого. Как сказал один ученый человек, это Мировая война, поскольку почти захватила весь земной шар.

Желтое скуластое лицо Корнилова не дрогнуло ни единым мускулом за все время этого разговора. Он внимательно слушал своего собеседника, и хотя это было ему неприятно слышать, он понимал, что Иванов во многом был прав, поднимая эту застарелую проблему страны.

— Надеюсь, что вы приехали ко мне не для того, чтобы просто попугать грядущими бунтами. Что конкретно вы можете предложить мне для действенного решения столь

важного вопроса? Я вас внимательно слушаю, — бросил правитель, откидываясь на жесткую спинку своего стула.

Лицо Иванова ничуть не изменилось от этих слов. Он неторопливо достал свою трубку и принялся набивать ее табаком.

— Как вы правильно сказали, демобилизацию следует растянуть на шесть-семь месяцев, что позволит нам в какой-то мере регулировать людские потоки, идущие с фронта в тыл. Следует отправлять солдат только эшелонами и строго по графику, доставлять их в Москву, главный пункт их дальнейшего следования. Но самое главное в моем предложении — это вообще не допустить массового возвращения солдат в их деревни.

— И как вы это себе представляете, создание под Москвой специальных лагерей или что-то в этом роде? А кто их будет охранять, свои же братья солдаты, еще не успевшие демобилизоваться?

— Нет, никакое насилие в этом деле недопустимо, оно лишь породит другое насилие и ничего более. Мы считаем, что большую часть солдат надо заинтересовать реальной возможностью заработать хорошие деньги на государственном строительстве, и это должно быть гораздо больше того, что они получают за работу на селе.

— И что прикажете строить, новую Вавилонскую башню? Ведь в Москве и Питере невозможно будет начать массовое строительство, при всем нашем с вами желании, — хмыкнул недовольно Корнилов, однако с интересом дожидаясь ответа Иванова.

Тот, держа в руке не зажженную трубку, сделал движение рукой, как бы очерчивая возникшую проблему.

— В Москве и Питере много чего можно построить, Лавр Георгиевич, было бы желание и государственное финансирование, но это сейчас не столь важно, поскольку эти стройки, как вы точно сказали, не смогут полностью разрешить стоящую перед нами задачу. В течение двух месяцев я много разговаривал с различными специалистами, интересуясь, куда можно направить с пользой для дела всю эту освободившуюся с фронта массу людей? Где следует разворачивать места новых строительства. Ответов, естественно, было очень много, но большинство из них сходились

в одном и том же: для укрепления экономики и мощи русского государства в первую очередь необходимо поднимать Южный Урал. При этом вопрос стоит о полномасштабном освоении этого края, а не лихими кавалерийскими наскоками, как это делалось ранее в поисках сиюминутной выгоды и барыша. Следует в кратчайшие сроки разработать его богатейшие запасы полезных ископаемых, одновременно создать новейшие заводы по переработке сырья в продукцию, прокладывать к ним железные дороги и строить новые города.

Вслед за Уралом есть много мест в нашей европейской части страны, в которых имеются не разработанные залежи крайне нужных для страны ископаемых. Так, согласно недавно поданной мне записке профессора Обручева, в недрах Донбасса имеются огромные запасы каменного угля, железной руды в Курске, а также на юге Украины. Одновременно с этим не стоит забывать о необходимости восстановления территории наших западных губерний, пострадавших от войны. Одним словом, работа людям найдется, лишь бы на это дело были бы отпущены казной деньги.

Иванов неторопливо встал со стула и стал прохаживаться перед столом, одновременно разворачивая перед глазами сидевшего Корнилова огромные перспективы развития страны после войны.

— Тех, кто не прельстится возможностями хорошего заработка на этих строительствах, можно будет переселить на вновь присоединенные к нам земли в районе черноморских проливов, предварительно, естественно, выслав оттуда всех турок и прочий чужеродный для нас элемент. Эта мера не очень популярная, и господа западные демократы обязательно поднимут вой, но если мы хотим полностью присоединить к себе этот анклав, то у нас выбора нет. Кто же будет заинтересован в получении больших земельных наделов, то, продолжая политику господина Столыпина, можно будет предоставить им земли на юге Сибири и в северных кайсацких степях, вполне пригодных для земледелия, предварительно выдав из казны подъемные средства для переезда и обживания на новом месте. В результате всех этих мер со временем мы сможем оторвать часть крестьян от деревни и перевести их в город, сделав, таким образом, процентное

соотношение города к деревне сорок к шестидесяти. Как видите, работы там непочатый край и не на одно десятилетие.

Говоря эти слова, Иванов неторопливо по-хозяйски обводил на глобусе Корнилова те или иные участки земной суши черенком своей прокуренной трубки.

— Однако у вас и размах, уважаемый, — прищелкнул языком Корнилов, — это же сколько денег нужно будет вложить в ваши проекты. И где их взять, опять занимать у союзников?

— Не так уж и много на первое время. Вот предварительные выкладки наших затрат на первые два года, сделанные по моему запросу чиновниками министерства финансов. При этом часть денег нужно выделить уже сейчас для подготовки новых рабочих мест, чтобы возвращающиеся с фронта люди не болтались без дела по Москве, а сразу направлялись к местам новыхстроек. По мнению специалистов, наша казна вполне потянет этот проект, если деньги тратить разумно, не давать их разворовывать их на местах. Генерал Алексеев предлагает создать особую экономическую полицию для надзора за всеми финансовыми потоками, которые будут специально выделены на это дело. Дзержинский уже представил список кандидатов для осуществления надзора. Вот он, вы с ним можете ознакомиться.

Бумаги ровной стопкой ложились на стол Верховного, неторопливо извлекаемые туда из кожаной папки Иванова.

— Кроме этого, для укрепления рубля и отсечения огромной денежной массы, возникшей за время войны, необходимо провести денежную реформу по обмену старых купюр на новые банкноты, с одновременной их деноминацией. Вот записка молодого финансиста господина Зверева, он все здесь очень доходчиво и просто расписал. При этом деньги до тысячи рублей будут обмениваться один к одному, тогда как свыше указанной суммы — один к десяти или один к ста, в зависимости от уровня инфляции на момент окончания войны.

Иванов неторопливо опорожнял содержимое своей папки, превращая маленький холмик аккуратно исписанной бумаги в солидный Монблан. Корнилов похлопал его рукой и заверил своего собеседника:

— Обязательно их прочту в самое ближайшее время, обещаю вам. Я прекрасно понимаю всю подоплеку вашего плана по переделке России из сугубо аграрной страны в индустриальную державу. Это очень хорошо, но позвольте спросить, а ради чего строить нам все эти заводы и фабрики, где мы возьмем столько инженеров и прочих специалистов для их обслуживания?

— На первых порах, конечно, придется приглашать немецких специалистов, после войны их в Германии много будет безработных, но вместе с этим необходимо воспитывать и свои кадры, строить школы, институты.

— И сколько их нужно построить и где взять для них кадры?

— Здесь все рассчитано, господин Корнилов, — лукаво сказал кавказец, вынимая очередную бумагу из своей папки, — сколько и где строить на первых порах, а что касается кадров, то наша земля не оскудела талантами, смею вас заверить.

Корнилов положил и эти листы в свою горку бумаги и задумался.

— Я так понимаю, что это только небольшая часть послевоенных реформ, не так ли?

— Совершенно верно. Россия нуждается в больших переменах, Лавр Георгиевич, и чтобы провести наш корабль сквозь опасные рифы, ей нужен смелый капитан.

Услышав последние слова Иванова, Корнилов с удивлением поднял на него глаза. Он твердо наметил для себя скорую отставку после окончания войны и передачи власти Учредительному собранию.

— Поясните.

— Боюсь, что господа политики не смогут провести все то, о чем мы сейчас с вами говорили. Совсем не смогут, — Иванов вновь затянулся трубкой и пыхнул дымом. — Это они прекрасно доказали в семнадцатом году. Нужна твердая рука, хотя бы на пять лет, чтобы это все заработало.

Собеседник энергично ткнул черенком трубки в сторону бумаг и выразительно посмотрел на Корнилова.

— Иначе все те жертвы, которые понес русский народ до этого дня и которые еще будут после, будут напрасными, а значит, на руку нашим недругам. Одним словом, вам еще рано уходить на покой. Мало выиграть войну, надо еще

суметь закрепить за собой ее успехи. Вспомните Берлинский конгресс 1878 года.

Иванов мог не напоминать Корнилову об этом конгрессе, его результаты он хорошо помнил.

— Когда надо дать ответ по вашим бумагам?

Кавказец махнул рукой в сторону лежавшей на столе кипы:

— Когда хотите, Лавр Георгиевич, время терпит. А лучше послезавтра.

— Хорошо, я дам вам ответ в указанный срок, — сказал сраженный стальной хваткой своего гостя Корнилов, — послезавтра к обеду я жду вас у себя.

Главковерх нажал кнопку звонка, и сейчас же в дверях появился Покровский.

— Господин подполковник, я назначил господину Иванову повторную аудиенцию на послезавтра к обеду. Если там что-то наслаивается, сдвиньте. Где вы остановились?

— Господин Алексеев любезно предоставил мне свой литерный поезд.

— Тогда всего доброго, — и Корнилов пожал на прощание руку своему гостю. — Проводите.

Оставшись один, Корнилов попытался начать читать предложенные ему документы, но дверь отворилась, вошел Духонин со свежими данными с фронтов, и работа главковерха перешла в сугубо военную область.

Начальник полевого штаба главковерха привычно разложил карту Западного фронта на большом столе Корнилова, положив на ее нижний край стопку бумаги, исписанной мелким, аккуратным почерком.

— Итак, Николай Николаевич, вы стоите за продолжение наступления войск Западного фронта, несмотря на явную возможность флангового удара со стороны Восточной Пруссии?

— Совершенно верно, Лавр Георгиевич. Согласно последним докладам, конные корпуса Крымова и Краснова, Келлера и Мамонтова хотя и понесли ощутимые потери в предыдущих боях, но, по заверениям своих командиров, могут начать новое наступление. Сейчас весь вопрос в пехоте, которую мы спешным образом перебрасываем по железной дороге на Седлец и на грузовиках к Сандомиру.

Рука Духонина плавным движением обвела карандашом на карте указанные районы и замерла над Варшавой.

— Согласно последней сводке авиаразведки, немцы не стали укреплять и занимать старые варшавские форты, сосредоточив все свои силы на новогоргиевском и ивангородском направлениях. Скорее всего, их расчет строится на уничтожении мостов через Вислу при приближении наших войск к Варшаве и, создав плотную оборону на берегу Вислы, заставить начать штурм новогоргиевской и ивангородской крепостей. Это остановит наше наступление на Варшаву и одновременно позволит им ударить по нашему правому флангу со стороны Сувалок с выходом на Гродно. Там у нас сейчас нет сплошной линии фронта, и только стоят заслоны Таганрогского полка, прибывшего из второго эшелона.

— Насколько реальна подобная угроза для наших войск? — спросил Корнилов, оценивая по карте всю серьезность вероятных действий врага.

— Сейчас в большинстве своем германские войска, расположенные в Восточной Пруссии, по-прежнему состоят из ландвера, который не подходит для нанесения хорошего контрудара с выходом в наш тыл. Людендорф спешно проводит их вынужденную замену на элитные части с Западного фронта. Об этом свидетельствуют данные разведки, отмечающие усиленную нагрузку по перевозкам на железнодорожной линии Берлин—Кенигсберг. Думаю, что для полной ротации всех войск противнику понадобится неделя-полторы, никак не менее. Чтобы не дать противнику возможность опередить нас, я обратился к генералу Щукину с просьбой вновь задействовать подполковника Покровского, передав через него дезинформацию о нашем готовящемся наступлении на Кенигсберг со стороны Мазурских озер. Немцы очень верят информации, поступающей от Покровского, и поэтому, вместо наступления в Восточной Пруссии, будут готовиться к обороне. Это позволит нам выиграть время и нанести свой главный удар в центре. Одновременно с этим войска Миллера и Маркова смогут основательно подготовиться к обороне, и если немцы все-таки начнут наступление, то получат достойный отпор.

— Ваше предложение принимается, но смотрите, Николай Николаевич, не переиграйте с Покровским. Человек

и так более полугода ходит по лезвию ножа и рискует не только собой, но и жизнью своей жены.

— Не беспокойтесь, Лавр Георгиевич, Покровский и его жена находятся под надежной охраной, — заверил главко-верха Духонин.

— Тогда вернемся к нашим баранам, — пошутил Корнилов, — я полностью с вами согласен, что основной удар на Варшаву нужно наносить с юга от Сандомира, отсекая таким образом Ивангород с его мощными фортами и открывая возможность продолжения нашего дальнейшего наступления на Лодзь. Немцы явно не ожидают удара кавкорпуса с этой стороны, продолжая считать, что конница Келлера по-прежнему будет нацелена на австрийцев.

— Да, Лавр Георгиевич, — согласился Духонин, — Людендорф уже наверняка свыкся с идеей действия только двух конных корпусов на одном фронте. Что ж, это будет для него неприятным сюрпризом, поскольку он продолжает мерить нас по привычному для себя шаблону.

— Что говорят синоптики, не сорвут ли дожди все наши блестящие планы, как это было неоднократно ранее. Сможет ли кавкорпус Келлера удачно действовать при прорыве вражеского фронта?

— Синоптики твердо обещают безгрозовую погоду на неделю, а далее неизвестно.

— Успеет ли комфронта генерал Клембовский все подготовить к началу наступления? Все-таки он на этой должности около месяца, после отставки Рузского. Справится?

— Я уже говорил об этом с Сергеем Леонидовичем, но он продолжает настаивать на сохранении за ним поста командарма-три и полностью уверен в способностях Владислава Наполеоновича.

— Хорошо, будем надеяться на проницательность Маркова. Понтонные части, на случай если немцы успеют взорвать варшавские мосты, готовы?

— Так точно, генерал-майор Шварц уверяет, что за сутки сможет навести переправу в любом указанном ему месте.

— Хорошо, тогда давайте обговорим некоторые детали, — и Корнилов раскрыл свой старый потертый блокнот, изрядно похудевший за этот год.

Начальник полевого штаба легко и уверенно сыпал цифрами на любой из вопросов главковерха, и от его ответов грудь Корнилова наполнялась гордостью и уверенностью в новой победе. Духонин, действительно, по праву получил недавно из рук Корнилова орден Георгия II степени и звание генерала от инфантерии, за успешные летние наступления русской армии.

Наградной дождь щедро пролился над всеми, кто своими деяниями способствовал разгрому врага. Так истинный герой Западного фронта Сергей Марков получил звание генерала от инфантерии и орден Владимира I степени с мечами, генерал-лейтенант Дроздовский — орден Георгия II степени и золотое оружие.

Орден Георгия I степени получил генерал от инфантерии Деникин за Галицкую битву, а генералы Келлер и Мамонтов — по Анне I степени и георгиевскому оружию. Корнилов никого не обижал из своих генералов, смело повышая их в звании и осыпая наградами. Сам он согласился принять звание фельдмаршала только под напором со стороны генерала Духонина, убедившего Корнилова, что ему, как Верховному командующему страны, не к лицу быть просто генералом от инфантерии в числе других генералов русской армии.

Если в могилевской ставке главковерха светило солнце, то над Шарлотенбургом второй день моросил мелкий противный дождь. Подобная осенняя погода всегда нагоняла на кайзера Вильгельма грусть и ипохондрию, а теперь, вкупе с нерадостными известиями с фронтов, она вызывала у императора зеленую тоску.

Однако живой злой ум Вильгельма не долго пребывал в унынии, его натура требовала действий, и он вызвал к себе Берга, в котором безошибочно угадал схожую человеческую натуру. За последнее время фон Берг сделал стремительную карьеру, получив не только генеральское звание, но и право прямого личного доклада кайзеру в любое время дня и ночи.

Людендорф и Гинденбург вначале косо посматривали на эту «штабную выскочку» и ждали удобного момента, чтобы запихнуть его обратно, но неудачи на фронте отнимали